

Николай Румянцев

Собственник Мелочей

**Москва
«Книга по Требованию»**

Почти предисловие

Стол, покрытый зеленым сукном, с серыми блестящими пятнами от локтей, затиравших его год за годом, ключья табачного дыма плавают над головами, запах алкоголя, пустые стаканы, пепел, классическая засаленная колода карт и несколько человек вокруг стола. Время от времени слышно звонкое «трррррр», тишина, шелчок – громкий выдох, нервный смешок... они играют в русскую рулетку. Револьвер и один патрон.

Его среди них нет.

Его нет среди них и быть не может.

Он, скорее, из злой шутки о японской рулетке – пять мечей для хакари, четыре из которых тупые. Причем играет он один. И вряд ли острый меч хоть раз оказался в его руке.

Так он пишет.

Точнее, так он живет.

Он стоит рядом с тобой на автобусной остановке, быстро курит, неторопливо переступает с ноги на ногу. Он рядом с тобой что-то покупает в магазине. Он случайно задевает тебя плечом на эскалаторе. Он проходит мимо твоего дома. Он... скорее, его призрак. Или – или признак его присутствия?

Вспоминается Иржи Грошек – «по теории вероятности, надо вырезать побольше букв и разложить их на огромной сковородке. И подбрасывать, подбрасывать... Рано или поздно из этих буквиц сложится...» Он же рассеивает буквы по городу, по улицам, они, эти буквы, прилипают к подошвам, к спинам прохожих, к колесам трамваев, их задувает ветром в приоткрытые двери библиотек, и потом он читает их, читает и записывает, читает и чувствует – никакой теории вероятности, только сознание, ощущение, память, история вселенной в глазах одного человека – «повторя себя я опять совершаю обряд/ обряд совершаю/ совершаю обряд». Его трудно воспринимать по-другому – он в городе, он живет сквозь него, сквозь него чувствует. Временные рамки, погодные явления, правила вежливости, геометрия и география – любовь, грусть,

усталость, ирония, досада – абстрактное и конкретное – он Собственник Мелочей, и все остальное является только формальным подтверждением этого. «Подожди/ дай подумать/ что это?/ небо?/ давно не встречал» – знакомься, вот он. Считает количество кадров. «Психоанализирует» Улисса. Корчит рожи последнему лондонскому палачу (сам тот еще доктор Джекилл и мистер Хайд). А над ним Стикс и пирамиды. Или – или это просто прорвало канализацию вверх одной из стареньких улочек Подола? Не все ли равно... он вернется в свой формальный «дом», ибо дом в понятии «адрес, стены, место» для него – не более, чем формальность...

А дома диалог:

– Past Imperfect – «прошедшее несостоявшееся» – интересно, есть ли такая временная форма?

– Нет.

– Значит, я ее придумал.

– Ты ее прожил.

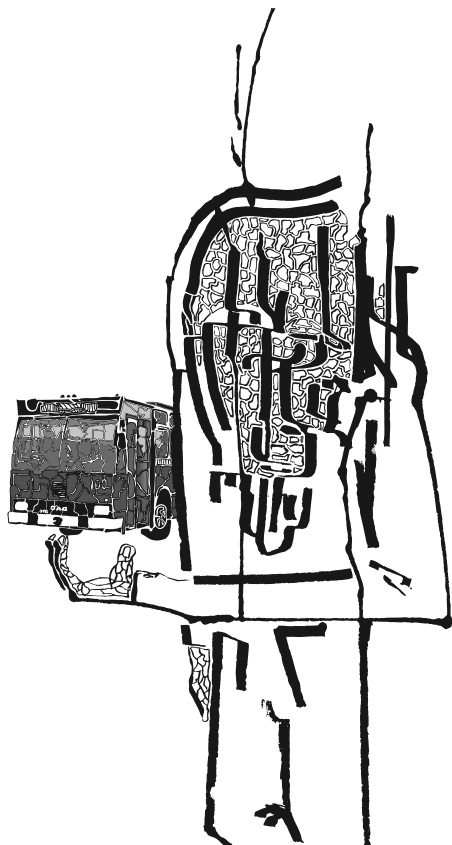
И я запомню этот разговор. Запомню, как запомнила его режушиеся крылья, как запомнила его боль и секреты, его воспоминания о любви и нелюбви, его «Рельеф ладоней», как запомнила его Старьевщика, как запомнила Цезаря, кусающего стилос, как запомнила Навина, говорящего с Хавой – я запомню его таким. А другим он и не будет. Целым куском – «...графика города/ которую узнавал/ при помощи ног/ ежедневно/ (следовательно/ каждый день». С л е д о в а т е л ь н о – то есть с л е д у я, в его случае – из пункта «аз» в пункт «ять». Пошагово. Побуквенно. Создавая свои летописи. Свой Imperfect.

Он обучается науке не помнить. Его поэзия – auto da fe. «И совсем близко, немного фальшиво – медно и долго – Шопен».

Я читаю его книгу...

Дарья Горбачева

Книга I
КАК ДОЛЖНОЕ

КАК ДОЛЖНОЕ

* * *

Безобразный поезд обескровлен...

М. Беловская

Это всего лишь гравюра на черном камне,
где изувечены ретушью правила трешин –
вещи в себе разумеют штрихи,
и пока мне
кажется вечностью то, что намечено резче.

Дом не забыт, но, как совесть,
заброшен, и брошен
на произвол матерей или женщин любимых...
Капли дождя фонари долго надвое множат,
поезд привычки спешит
и проносится мимо

всех остановок – вокзалов и маленьких станций,
где бы сойти и остаться. Но время торопит –
движешься дальше по рельсам,
как в медленном танце.

Полночь звучит и часы боем пасмурным топит,

будто нездешний. От выси, с высока-высока,
из непонятного, то, что ночами пугает.
Вскинешься. Кликнешь... Кого там?

Ни черта, ни Бога.

Только метель словно дворник, следы подметает...

* * *

Где-то в городе, где метель
оставляет свои шаги
робким звоном – к беде, к беде
(из огромной скупой руки

это быстрое серебро,
как привычка к чужим словам) –
беспричинное зло-добро,
или истина пополам.

начинаю к иным быть прав,
вероятно, что от любви...
Недосказанное – «пора»,
и не понятое – «привык»...

Забываюсь. Но вдруг больной –
и без правил, и поделом...
... а за окнами снег слепой,
в белой лодке, с одним веслом...

* * *

Может быть, она та,
которую полюбят потом...
– Потом? – спросила, – А это когда?
В который час? Под который гром?
Потом декабрьская звезда,
потом ошалелый глухой перрон,
потом шершавая ткань листа
и тихий, чуть странный, чуть слышный звон
как стон, как полудетский сон...

* * *

Старинной музыки ненынешний простор,
как украшение звездного пространства –
и возвращенье из далеких странствии
ее глубокий полуразговор,

чуть слышимый, почти незаменимый,
чуть знаемый среди моих миров,
когда уходит солнце из дворов,
в китайской лодке проплывая мимо
проросших зерен городских холмов.

* * *

Сегодня солнце длилось три минуты
на пашнях свежескошенного льда,
и в позабытых Богом городах
мелькали тени детской смуты.

Так шел распад – так звучалась кантата
замерзшей и заснеженной земли,
последний довод били короли,
окучивая небо ватой...

... так шел распад – как Каин к смерти брата.

* * *

**Реальность спешит, проявляет себя всю,
(...) вот тут-то мы (...) и срываемся с
цепи – словом, пускаемся во все тяжкие.
Х. Кортасар**

... прими как должное и поминай, как звали
по имени, в последний срок зимы,
коль города заснеженное ралли
запляшет, засмеется в скобках тьмы –

умыться кровью, право, не наука,
так долго ждать, чтоб кончилась капель,
так долго ждать усталости и звука,
Протяжного, как спелая свирель...

... остаток дня на кухне и за чаем,
остаток солнца, скрытого на треть –
но женщина с упрямыми плечами,
но. Господи, как хочется посметь

пуститьсь во все тяжкие, как в прорубь,
как в прорванное небо свысока,
поставить точку в новом приговоре
пошечиной метро и пятака.

... так, при смерти, становишься богаче.

Улисс

I

Бессонница. Гомер. Тугие паруса...
О. Мандельштам

... верно, можно любить Итаку
лишь вдали от самой
Итаки... – А сегодня здесь все знакомо,
даже сны много лет не снятся.
– Где Улисс? – Несомненно, дома. –
Он давно перестал скитаться,
успокоился. – Сыт и скучен.
Сын да женщина, кот и слуги,
приносящие постный ужин.
Перед трапезой, вымыв руки,
он садится к столу, зевает,
смотрит на море...

2

День без памяти. Ночь без греха.
Тело города схвачено мелом...
Время, снова слоняясь без дела,
порастать серебристостью мха,
утопая в страницах Гомера
(о, бессонница – рай для души),
ничего не пытаться вершить –
да и к вечеру кошки все серы,

закурить, захандрить, но опять:
– Что вам Троя, когда б не Елена..
И на весла нависшая пена
Афродитой намерена стать.

3

Поздно судить по вере,
рано сводить к рублю –
верили на премьере
древних, как мир, «люблю».

Верили... было... В осень,
в пристнозабытый год –
словно слепые осы
бились о стройность сот,

претерпевали муки
хрупкие корабли..
... мимо Итаки, в скуке,
вдруг повернул Улисс.

* * *

И вот мы – такие же вечные,
но убегающие от вечности
в маленьких судьб хрусталики,
в воспеванье своих усталостей,
в шумных улиц крикливую проповедь
и во блуд перекрестков топтанных,
в тарабарский язык трамваев,
забываясь и вспоминая –
не себя, но кого-то близкого,
в черном небе, рассыпанном искрами..

* * *

Из последней суеты – да в бега,
из прелюдии весны – в дым-угар,
из усталости дождя – в пустословь,
из пошечин мостовых – да в любовь.
Я не знаю. И знать не могу...
Я не помню... и вдруг навсегда –
человек на холодном снегу
и над ним вороньем провода...
... и опять, то ли вплавь, то ли вброд,
уходить под Тамбов да в народ...

Король Лир XX в.

Что это – крик? И вдруг не понимаю...
Больной старик в больном плывет трамвае,
больной старик, по городу, по кругу –
наверно при смерти, от дочерей к испугу...
... в распахнутом поношенном пальто –
больной старик – из сумерек в ничто.

* * *

Мы к вечеру находим путь в привычке
к смешению улиц в поисках тепла
и походя берем себе в обычай
непостоянство птичьего крыла...
... все суета – опять с Екклесиастом
играю в лица.

* * *

Признавая первенство за мелочами,
сжимаешь пространство в размеры точки,
покой находишь в стакане с чаем,
сигаретах, спичках.

Иною ночью

можно долго еще голосить в пустыне
(только дождь за окном – это значит к лету),
можно, попросту в небо бросать монеты, –
у китайского бога просить совета...
Можно... может быть, даже нужно –
но, опять возвращаясь к своим святыням,
ставишь чайник, глотаешь холодный ужин,
смотришь в улицу. – Прочерк. – Лужи.

* * *

Колесованный вечным транспортом,
четвертованный перекрестками,
город вновь воскресенье празднует,
город вновь одинок под звездами.

В полуночь просторном улицы
соберутся на старой площади,
не гадая, о том, что сбудется,
одинаково непохожие...

* * *

Существуя в правилах игры,
проживая слово, как обычай,
признаешь, что ты давно привычен
принимать заботы, как дары –
принимать потери, как сознание
перехода в новые миры,
где ждут чуда, словно оправдания...
Существуя в правилах игры...